

дано. Вряд ли нужны в этнографическом исследовании таблицы экономического характера. Статья и без них перегружена цифрами. В то же время вопросы материальной и духовной культуры автором не раскрыты в достаточной мере.

В целом можно считать, что выход рецензируемого сборника представляет собой значительное явление. Он содержит глубокую разработку ряда проблем этнографии Восточной и Южной Азии и знакомит широкий круг советских читателей с историей и культурой ее народов. Можно надеяться, что традиция публикации подобных сборников будет продолжена. Хочется лишь пожелать, чтобы, с одной стороны, они были более этнографичны по своему содержанию, с другой — уделяли бы больше внимания показу жизни и быта народов Азии в современные дни.

К. Мешков

НАРОДЫ АФРИКИ

L. J. Boutillier. *Bongouanou. Côte d'Ivoire. Paris, 1960.*

Монография Бутилье — одна из работ, публикуемых Французским управлением научных и технических изысканий на Заморских территориях совместно с Верховным советом социологических изысканий в серии «L'Homme d'outre mer» и посвященных изучению различных аспектов общественного и экономического развития африканских народов, населяющих бывшие колониальные владения Франции.

В Африке зреют новые общественные отношения, новые общественные силы, все энергичнее проявляющие себя на политической арене. Создан ряд независимых государств. Понять эту новую Африку для колониальных держав стало насущной необходимостью. Изучить новые явления, чтобы использовать их в своих интересах, чтобы любыми средствами удержаться в Африке — такова подоплека (нигде, конечно, прямо не высказанная) деятельности указанных выше учреждений, как и аналогичных им в иных странах.

Рецензируемая работа детально рассматривает вопросы экономического и общественного развития одного из округов Берега Слоновой кости — округа Бонгвану, населенного народом агни. Автор ее — добросовестный буржуазный ученый — экономист из Управления — руководил изучением населения в этом районе Африки и собрал большой и интересный материал. Район исследования выбран не случайно: округ Бонгвану, расположенный в лесной зоне близ границы саванны, дает богатейшие возможности для разведения экспортных культур — кофе, какао, а также потребительских (корнеплодов и злаков). Относительное изобилие так называемых свободных земель и возможности приложения рабочих рук привлекают в округ постоянный поток эмигрантов из соседних областей. Совокупность многих причин — исторических, экономических и географических — сделали возможным превращение округа Бонгвану в область развития африканского плантационного хозяйства. А это, в свою очередь, создало условия для быстрого развития экономики по капиталистическому пути и становления общественных отношений буржуазного общества.

Книга разделена на две части: в первой изучается коренное население (агни), во второй — население пришлое, выходцы с других территорий, составляющие в настоящее время около 33% всех жителей округа.

Анализ общественных отношений у агни построен так, что читателю прежде всего бросается в глаза важная роль отношений кровнородственных. Автор пишет, что и ныне реальная основой общественной системы (стр. 30) является абусуа (или линияж, по терминологии французских социологов). Абусуа — сегмент рода, в который входят кровные родственники, ведущие происхождение от реально существовавшего предка. Счет родства ведется по материнской линии; по этой же линии идет наследование имущества и власти. Во главе абусуа стоит старший и наиболее уважаемый представитель старшей ветви линияжа. Он имеет религиозную, юридическую и экономическую власть. Символ этой власти, как и у многих родственных агни народов, — священная реликвия: деревянный резной «трон». Глава абусуа руководит религиозными церемониями, связанными с культом предков, решает все споры и конфликты между сородичами и является хранителем сокровищницы, состоящей частью из предметов культа, частью — из золота в слитках и драгоценностей. Распоряжаться этим богатством он может лишь с ведома и под контролем групп старших сородичей (как мужчин, так и женщин). Власть главы абусуа сказывается и в земельных отношениях, в частности, он разрешает тяжбы, связанные с землевладением и землепользованием. Все сородичи объединены круговой порукой и обычаями взаимопомощи. Обычно члены одной абусуа расселены в пределах обширной области, смешанно с выходцами из других абусуа и из других народов. Это рассеивание абусуа является следствием трех факторов: обычаев экзогамии, правил наследования по материнской линии и правил патрилокальности поселения. Таким образом, территория округа распадается на ряд деревенских общин, границы между которыми строго определены, а население относится к нескольким абусуа и включает, как мы говорили, иноземцев.

Деревенская община, вне всякого сомнения, — соседская община, по отношениям кровного родства в ней очень сильны. Во-первых, власть в деревне принадлежит главе

той абусуа (или ее сегмента), которая когда-то основала деревню, и власть эта наследственна. Во-вторых, власть эта распространяется и на поземельные отношения: преимущественные права на землю имеют члены господствующей в деревне абусуа. Все пришельцы, как агни, так и иностранцы, лишь пользуются известными участками на этой земле с разрешения главы абусуа и за определенную мзду. Глава абусуа сохраняет право контроля за использованием земли (стр. 58, 61 и др.). Лишь члены данной абусуа имеют право передавать свои участки по наследству. Продажи земли как таковой практически не существует, однако появилась уже продажа продуктивных деревьев, растущих на земле (стр. 60). Тем не менее автор отмечает, что лишь обилие еще не возделанных земель служит стимулом, сдерживающим закрепление земель в частную собственность с вытекающим отсюда правом отчуждения (там же).

Повседневная жизнь крестьянина агни сосредоточена в так называемом ауру, или, по терминологии автора, — «концессии». Ауру — прямоугольный двор, окруженный жилыми и хозяйственными постройками, — место поселения большой семьи, объединяющей несколько хозяйств, несколько близкородственных малых семей. В среднем, ауру объединяет три хозяйства, принадлежащих родным братьям, примерно человек 25, под властью старшего из братьев. При этом отдельные хозяйства, обнимающие малую моногамную или полигамную семью, экономически независимы, каждый крестьянин ведет хозяйство на свой страх и риск (стр. 52). Большую семью связывает общее место обитания, совместная работа женщин по хозяйству, совместные трапезы мужчин (однако пищу готовят отдельно для каждого его жена), некоторые старинные обычаи взаимопомощи (стр. 5), власть главы семьи, распространяющаяся на различные сферы домашней жизни (стр. 38—48). Новые, товарные отношения, проникающие в деревню вместе с распространением экспортных культур, делают большую семью малостабильной: состав ее часто меняется, еще чаще она распадается на малые семьи, селящиеся отдельно, зачастую не в деревне, а рядом со своими плантациями (стр. 116).

Таким образом, организация, основанная на родственных отношениях, служит лишь прикрытием иных общественных отношений, свойственных классовому обществу — феодальному и буржуазному.

Что заставляет нас говорить о существовании в деревне агни патриархально-феодального уклада? Прежде всего — власть над землей главы абусуа, господствующего в данной деревне. Власть эта выражается в праве распоряжаться землей, наделять ею за плату пришельцев, контролировать использование земли (с целью предупредить ее хищническое истощение), наконец, в праве на регулярные отработочные повинности членов деревенской общины: один день безвозмездной работы от каждого хозяйства на деревенскую верхушку (стр. 53). Характерно, что сам автор не видит чисто феодального характера этой повинности и относит ее к обычным формам взаимопомощи, столь распространенным среди агни (в периоды наиболее напряженных сельскохозяйственных работ племянник помогает дяде со стороны матери, младшие братья — старшему, сын иногда — отцу) (стр. 53).

Внедрение многолетних экспортных культур — кофе и какао (каждая плантация делится примерно пополам — одна половина под кофе, другая — под какао) привело к превращению крестьянского хозяйства в товарное, а это, в свою очередь, — к коренным переменам в общественной жизни. Автор умело показывает, что введение экспортных культур «не только изменило отношение человека к земле, но готово глубоко изменить отношения людей между собой, в хозяйстве и в концессии, и в линьяже, и в деревне» (стр. 79). В этой связи очень характерны изменения внутри малой семьи агни. Большинство агни считает несправедливым порядок, при котором отцу, заложившему плантацию с помощью детей, наследуют племянники. Власть древних традиций еще очень сильна, и агни этого района не решаются прямо нарушать порядок наследования по материнской линии (хотя, как отмечает автор, в городах и у агни Санви все чаще отец оставляет состояние и землю сыну). Существуют, однако, несколько путей, позволяющих смягчать в новых условиях нормы древнего права. Так, отец при жизни дарит часть (не больше четверти) плантации сыну, но без оформления документами. Или же сын закладывает свою плантацию по соседству с отцовской и пользуется помощью его наемных рабочих (стр. 118). (Вспомним, что расходы по найму рабочих составляют наиболее важную статью семейных расходов.)

Имущественная дифференциация крестьянства зашла уже далеко. Цифры, приведенные автором, очень убедительны: лишь 12% крестьян владеет большими плантациями, площадью более 10 га; 28% — среднее крестьянство, владеет плантациями от 5 до 10 га; подавляющее большинство (60%) довольствуется участками менее 5 га (стр. 66). Если учесть, что средние размеры плантации агни лишь немногим превышают 5 га, то становится понятным, что около половины крестьян-агни довольствуются плантациями намного меньшими (стр. 64). Еще более яркую картину дают данные о годовом доходе агни: в то время, как у 36% крестьян доходы ниже 75 тыс. колониальных франков в год, у 13% — выше 200 тыс., в том числе и у 5% плантаторов — свыше 406 тыс. (стр. 103).

Быстрое расширение африканского плантационного хозяйства ведет к сокращению земельных резервов (стр. 78) и к закреплению участков за крестьянами с правом передавать эти участки по наследству, а в недалеком будущем — к превращению их в частную собственность крестьянина.

Однако при наличии невозделанных земель размеры плантации практически ограничены теми ресурсами рабочей силы, которыми семья может располагать (стр. 67, 168 и др.). А это, в первую очередь, позволяет перестроить хозяйство на товарный лад тем земледельцам, которые располагают внутри семьи лишними рабочими руками и имеют право на безвозмездный труд со стороны односельчан. И в первом и во втором случае — это представители родовой и полуфеодальной верхушки — главы абусуа и деревенских старейшин.

Именно из них и состоит основная масса крупных плантаторов (стр. 67), но не только из них. Автор пишет, что сейчас часто люди низкого происхождения владеют большими плантациями, регулярно используя наемный труд. Так рождается новая «элита» (главным образом по признаку уровня доходов и образования, взамен признака происхождения, на котором базировалась традиционная иерархия) (стр. 67, 103—104 и др.).

Наем рабочей силы — явление, все сильнее укореняющееся в жизни деревни агни округа Бонгвану: три четверти плантаторов-африканцев пользуются услугами одного или нескольких рабочих в периоды уборки урожая, причем наемные рабочие составляют примерно треть рабочей силы семьи. Как правило, наемные рабочие — отходники, идущие на заработки из самых различных уголков Африки (Гвинея, Судан, Верхняя Вольты и др.) (стр. 70). Характерно, что оплата сельскохозяйственных рабочих производится чаще всего не деньгами, а средствами «докапиталистической эксплуатации»: на основе контрактов издолщины (стр. 71).

Другое следствие изменений в крестьянском хозяйстве — быстрое развитие товарно-денежных отношений в среде агни. Крестьянин-агни, производитель кофе или какао, имеет возможность покупать такие вещи, как велосипеды (плантации, как правило, удалены от деревень), а богатый крестьянин — холодильник и радиоприемник. В то же время крестьяне вынуждены покупать на рынке значительную часть продуктов питания — до 30% расходов каждой семьи (стр. 85—92).

Некоторые крестьяне-агни сочетают сельское хозяйство с торговлей и предпринимательством разного рода. Так, почти в каждой деревне есть станции такси (стр. 101). В 46 деревнях округа существует около 150 небольших деревенских лавочек, принадлежащих агни (стр. 102). Потребность деревни в ремесленных товарах и торговых посредниках (не говоря о нужде в наемных рабочих) привлекает в район Бонгвану множество переселенцев. Это — скупщики продуктов, торговцы орехами кола, лоточники, лавочники, строительные рабочие, плотники, сапожники, кузнецы, ювелиры (стр. 165, 175 и др.). Они принадлежат к самым различным народам; автор насчитывает представителей до 50 африканских народов, но особенно большое место среди них занимают малинке и диула. Не случайно кварталы, в которых живут пришельцы, называют диулакро, т. е. «поселения диула».

Если материалы автора позволяют легко проследить рождение нового для агни слоя общества — сельской буржуазии, упадок влияния старой деревенской верхушки и все растущую политическую роль новой «элиты», то одновременное появление среди крестьян-агни бедняков, вынужденных продавать свои рабочие руки, ускользает от внимания автора.

Причина этого может крыться в том, что автор, стремясь показать относительно высокий уровень жизни агни, для значительной доли материала оперирует средними цифрами. В самом деле, 36% плантаторов имеют наиболее низкий годовой доход — менее 75 тыс. колониальных франков. Однако под этой цифрой (36%) может скрываться и крестьянин-бедняк, еле сводящий концы с концами, и крестьянин-середняк, плантации которого еще не начали приносить полного дохода. Может быть и иное: исключительно благоприятные условия в округе для развития плантационного хозяйства при наличии массива неземель и возможностей эксплуатировать рабочих-отходников из других районов способствуют формированию сельской буржуазии-агни, но задерживают образование местного сельского пролетариата. Не лишено вероятия, что огромная сила общинной солидарности, обязывающая помочь сородичу, попавшему в беду, а также обычай взаимопомощи тормозят и вуалируют процесс размытия средних слоев крестьянства. В этом отношении характерно очень меткое наблюдение автора: задолженность почти не существует у агни этого округа (стр. 99).

Так или иначе материалы Бутилье не позволяют проследить до конца процессы классового расслоения крестьянства у агни.

Поэтому социальные конфликты, имеющие место в округе, коль скоро в африканском обществе появились богатые предприниматели и бедняки, работающие по найму, в глазах автора принимают характер столкновений между коренными жителями: агни и пришельцами — не агни, между богатой (по африканским масштабам) деревней агни и ремесленными городами, населенными пришлым народом (стр. 203—204). Именно эти конфликты автор считает угрозой прогрессивному экономическому развитию района (т. е. развитию местного плантационного хозяйства). В бурных событиях последних лет, предшествовавших провозглашению независимости Берега Слоновой кости, он видит не проявление закономерных процессов, а лишь состояние полуанархии, в котором оказалось общество агни, не сумевшее еще «найти себя» перед лицом новых экономических явлений.

Старые устои общества агни рушатся, рождаются новые силы, деятельность которых пугает Бутилье. Недаром он кончает книгу многозначительным вопросом: сумеет

ли общество агни, несмотря на все влияния, на все внутренние и внешние силы, стремящиеся разложить его, сохранить главное в своей оригинальности и лучшее из своих традиций?

Подводя итоги, хочется отметить, что хотя позиция, а соответственно и многие выводы автора далеки от нашего мировоззрения, рецензируемая книга заслуживает большого внимания. Во-первых, автор оперирует богатым и, несомненно, доброкачественным материалом; во-вторых, он показывает сложный и противоречивый процесс развития новых общественных отношений у агни. Таким образом, на большом, хотя локально ограниченном материале Бутилье все же вскрывает сущность общественных процессов, характерных для всей Африки.

А. Орлова

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

John Papa Ii. *Fragments of Hawaiian History*. Translated by Mary Kawena Pukui. Edited by Dorothy B. Barrère. Bishop Museum Press, Honolulu, 1959, XIII+183 стр.

Биография автора рецензируемой книги Джона Папа Ии (1800—1870) характерна для многих гавайских вождей (алии). В детстве и юности он углубленно изучал полинезийские обычаи, фольклор и религию и был их ревностным приверженцем, но в середине 20-х годов принял христианство и сделался послушным орудием американских миссионеров¹. В 1825—1840 гг. Ии был одним из ближайших помощников миссионера Бингхема, а в последующие десятилетия исполнял обязанности смотрителя школ на острове Оаху, являлся членом королевского тайного совета и верховным судьей. Как представитель промиссионерски настроенной гавайской знати, Ии входил в состав руководимых миссионерами комиссий, которые ведали разработкой и проведением в жизнь многочисленных «реформ», подрывавших самобытный жизненный уклад островитян и подготовлявших присоединение архипелага к Соединенным Штатам. Дочь Ии вышла замуж за американца Брауна, которому в результате достались земли и другая собственность этого алии. Сын и внуки Брауна, весьма состоятельные люди, финансировали издание музеем Бишопа рецензируемого перевода записок Ии, впервые печатавшихся в 1866—1870 гг. на гавайском языке в гонолульской газете «Куокоа».

Как известно, миссионеры США не только стремились уничтожить на Гавайях «языческую» религию, но и пытались искоренить вообще местную культуру. Они внушали тем островитянам, которые подпали под их влияние, что вся старая гавайская культура — «от лукавого», а потому достойна лишь презрения и осуждения. Плоды этих поучений отчетливо видны в книге «Гавайские древности», написанной около 1840 г. воспитанником миссионерской семинарии гавайцем Дэвидом Мало. Миссионерская направленность этой любопытной книги, также переведенной на английский язык², серьезно снижает ее ценность как исторического источника. В отличие от Мало, Джон Папа Ии, приняв христианство и став сторонником новых порядков, насаждаемых колонизаторами, все же сохранил уважение к культуре предков. Нескольким раз повторив в своих записках, что старая вера и связанные с ней обычаи были «заблуждением», он тем не менее весьма добросовестно и подробно рассказал о культуре и быте гавайцев в начале XIX в., когда их жизненный уклад еще не был разрушен колонизаторами.

Читатель рецензируемой книги знакомится, так сказать, из «первых рук» с системой воспитания юных алии, с повседневной жизнью знати и ее семейными обычаями. Автор описывает перераспределение земель между алии, практиковавшееся после смерти каждого короля, и вспыхивавшие при этом междоусобицы, рассказывает об иерархической лестнице в правящем сословии и взаимоотношениях между алии различных рангов. Эти страницы записок Ии дают значительно более яркое представление об образе жизни гавайской знати, чем труды специалистов-этнографов, уже не имевших возможности непосредственно наблюдать описываемые явления и события.

Принадлежа с детских лет к ближайшему окружению Камаеае I и его сына Лиолио (Камаеае II), автор смог рассказать много интересного об этих властителях и их методах управления архипелагом. Примечательно, что Ии восторженно отзывался о Камаеае I (1753—1819), создавшем на Гавайях единое централизованное государство, хотя тот отказался принять христианство и умер «язычником». Ии изображает Камаеае I выдающимся военачальником и мудрым правителем, сообщает, что в отличие от других верховных алии, он любил заниматься физическим трудом.

Гораздо менее подробно рассказывает автор о жизни общинников (макаинана), составлявших основную массу населения архипелага. Эта особенность записок Ии.

¹ О классовых причинах перехода гавайской знати к христианству см. в нашей рецензии на кн. А. А. Koskinen, *Missionary Influence as a Political Factor in the Pacific Islands*, «Сов. этнография», 1956, № 1, стр. 168—170.

² David Malo, *Hawaiian Antiquities* (Mooolelo Hawaii). Translated from the Hawaiian by Dr. Nathaniel B. Emerson. 2d. ed. Bishop Museum Press, Honolulu, 1959. (Английский перевод этой книги был впервые опубликован в 1903 г.)